

— Мам, что с вами? — Чжао Юйфэнь, услышав шум, заглянула в гостиную. — Сяо Чэн, с бабушкой всё хорошо?

— Всё норм, мам! Чай горячий был, вот бабуля и поперхнулась! — Луань Чэн перевел взгляд с бабушки на виновника торжества — Бай Ю.

— Бабуль... — Он указал на призрака и, убедившись, что мать снова занята своими делами, прошептал: — Вы его видите?

— А ты как думал? — так же тихо ответила старушка. — Совсем стыд потеряли!

— Простите, бабушка, у него язык без костей, — Гу Цинхуай был... просто в ауте.

Столько сил потратил, чтобы произвести хорошее впечатление, и тут Бай Ю одной фразой разрушил его репутацию.

— Ладно, пойдемте на улицу, там поговорим, — бабушка обернулась к кухне: — Юйфэнь! Я пойду прогуляюсь, растрясусь, заодно Сяо Чэна возьму — надо у Ляна земли для цветов забрать. Тебе купить чего?

— Нет. — Чжао Юйфэнь вытерла руки, вышла проверить, точно ли со свекровью всё в порядке, и напутствовала сына: — Сяо Чэн, приглядывай за бабушкой, не давай ей перетруждаться.

— Понял, мам, не переживай. — Луань Чэн подхватил бабушку под локоть, взял большой пакет для земли и вместе с Гу Цинхуаем вышел за дверь.

Чжао Юйфэнь заметила, что Гу Цинхуай снова прихватил свой черный зонт. В душе шевельнулось сомнение, но гости уже уходили, и расспрашивать было неудобно.

В лифте бабушка молчала. Лишь когда они вышли из подъезда и отошли подальше, где не было лишних ушей, она заговорила:

— Сяо Чэн, скажи бабушке правду: тот человек, о котором ты говорил мне по телефону... это действительно Сяо Гу?

Луань Чэн замялся, но кивнул: — Прости, бабуль, я не знал, как объяснить, но это правда он — тот, с кем таз засветился.

Старушка повернулась к Гу Цинхуаю. Она по-прежнему не видела ничего особенного. Перед ней был просто красивый юноша, ровесник её внука, разве что черты лица потоньше.

Гу Цинхуай чувствовал себя неловко — он-то не знал, что старушка в курсе истории с тазом.

— Бабушка, я понимаю, мой визит внезапен, но у меня есть несколько вопросов к вам.

Старушка приложила палец к губам: «Тс-с! Здесь не место для таких разговоров. Идемте».

Луань Чэн и Гу Цинхуай притихли. Они шли по бокам от бабушки, пока не остановились у буддийской лавки Лян Мяомяо.

Гу Цинхуай засомневался. Сам-то он мог войти, но с ним было трое призраков — таким сущностям не место в подобных заведениях. Он замер у порога, не решаясь идти дальше.

Бабушка хлопнула его по спине: — Не бойся, заходи, ничего не случится.

И Гу Цинхуай впервые в жизни переступил порог буддийской лавки.

Эта буддийская лавка занимала довольно просторное помещение на двух этажах. Внизу располагался сам магазин, оформленный в строгом антикварном стиле, а на втором этаже жила хозяйка — Лян Мяомяо. Сейчас покупателей в лавке не было. Старушка закрыла дверь, устроилась поудобнее и жестом пригласила Гу Цинхуая и Луань Чэна присесть.

Когда они сели, бабушка, даже не глядя на них, громко крикнула: — Сяо Лян, ты где там?

— Наверху дела! — отозвалась Лян Мяомяо. — Тетя Ци, подождите немного, я сейчас спущусь!

Бабушку звали Ци Минь, и Лян Мяомяо обычно называла её «тетя Ци».

Луань Чэн спросил: — Бабуль, тот персиковый меч, что ты мне дала, ты здесь купила?

Старушка усмехнулась: — Нет же, я же сказала — мы за землей для цветов пришли. — После чего она повернулась к Гу Цинхуаю: — Сяо Гу тоже хочет такой меч, какой я дала Сяо Чэну?

Гу Цинхуай понял, что это сигнал — можно переходить к делу.

— Нет, бабушка. На самом деле я хотел расспросить вас об одном человеке. Мне кажется, тот меч был сделан его руками. Я не знаю его настоящего имени, но в кругах мастеров его называют «Цзю Ху» (Девять бород). Он — легендарная личность в мире сокровенных искусств.

Старушка невозмутимо взяла с деревянного столика незаконченные четки и принялась нанизывать бусины.

Помолчав, она спросила: — Зачем тебе его искать?

Гу Цинхуай нахмурился: — Вы ведь наверняка видите, что моё тело отличается от обычных людей?

Бабушка покачала головой с оттенком легкой грусти: — Ты и Сяо Чэн — пара, предначертанная небом. А это значит, что ты мне теперь как родной. Много ли ты знаешь мастеров, способных прочесть судьбу своих близких?

Гу Цинхуай лишился дара речи.

Луань Чэн вставил свои пять копеек: — Так, значит, бабуль, ты правда умеешь читать по лицам?

Старушка вздохнула: — Ну умею, и что с того? Это всё равно ничего не меняет.

В этот момент на лестнице послышались шаги, и вниз спустилась Лян Мяомяо. На ней было свободное льняное платье цвета морской волны, а волосы были небрежно, но изящно заколоты шпилькой. Она оказалась очень красивой женщиной средних лет.

Спускаясь, она взглянула на парней и внезапно замерла. Застыв на ступеньках, она уставилась на них, словно павлин, обнаруживший диковинное зрелище.

— Тетя Лян, вы чего так смотрите? — Луань Чэну стало не по себе под её пристальным взглядом.

— Смотрю на то, что твой друг такой же красавчик, как и ты, — улыбнулась Лян Мяомяо,

продолжая спускаться. — Но признаться, я удивлена: не думала, что твоей «судьбой» окажется парень.

— Тетя Лян... — Луань Чэн был в ауте.

Казалось, в один миг все вокруг стали великими прорицателями! И что самое странное — из-за того, что они повидали в жизни всякого, новость о его ориентации не вызвала у них никакой бурной реакции. Все были подозрительно спокойны — и тетя Лян, и его бабушка. То ли они фаталисты, то ли знают, что против судьбы не попрешь.

— Бабушка, вы так и не ответили мне про Цзю Ху, — напомнил Гу Цинхуай.

Он чувствовал: раз старушка не сказала сразу «не знаю», значит, какая-то информация у неё есть.

— Его уже нет в живых, — отрезала бабушка. — И даже если бы он был жив, не факт, что он смог бы решить твою проблему.

Гу Цинхуай: — ...

Лян Мяомя бросила на старушку многозначительный взгляд, словно хотела что-то добавить, но, видя, что та сосредоточенно нанизывает бусины, промолчала.

Лицо Гу Цинхуая, и без того бледное, стало мертвенно-серым, лишенным всяких красок. В этот миг он выглядел еще более отрешенным и холодным, чем обычно.

Луань Чэн не выдержал и с сочувствием спросил: — А что у тебя за проблема?

Он вспомнил слова Бай Ю: «Если он не обернется, то ему конец...»

Неужели речь действительно о жизни и смерти?

Гу Цинхуай не ответил.

Сжав кулаки, он задал следующий вопрос: — Бабушка, а вы слышали когда-нибудь про «Золотую цикаду в нефритовой чаше»?

Прежде чем старушка успела открыть рот, вмешался Луань Чэн: — Я слышал! И даже во сне видел!

Гу Цинхуай: — ...

— Что именно ты видел? — спросила бабушка. — Опять дед нашептал?

— Дед требовал у меня эту чашу, но откуда она у меня? — ответил Луань Чэн. — Потом мне снилось несколько разных чаш, но проснувшись, я уже не мог вспомнить, как они выглядели. И я не уверен, была ли среди них та самая.

Бабушка велела Лян Мяомя принести бумагу и ручку: — Сяо Чэн, ты ведь умеешь рисовать. Изобрази то, что видел.

Луань Чэн, как и раньше, набросал эскиз чаши, добавив небольшую выпуклость на краю:

— Вот так примерно. Узоры я не помню.

Бабушка посмотрела на рисунок, взяла ручку и добавила несколько штрихов. Она не тронула саму чашу, но детально прорисовала ту самую выпуклость размером с пол-ногтя. Луань Чэн внимательно присмотрелся — это была цикада.

— Похоже? — спросила бабушка.

— Да-да-да! Вроде именно так она и выглядела в руках у деда.

— Это действительно «Золотая цикада в нефритовой чаше». Дно из белого нефрита, цикада из пурпурного золота, — констатировала бабушка. — Но с чего бы деду требовать её у тебя? В нашей семье такой никогда не было.

— Вот и я о том же. Благо, дед перестал мне сниться, — сказал Луань Чэн. — Одно время он приходил каждую ночь, я вообще спать не мог, ты же знаешь. А в последнее время — тишина. — Он замолчал на секунду. — Так это «цикада»? А я думал, «золотая нить» какая-нибудь (звучат похоже на китайском).

— Сяо Гу, кто сказал тебе, что Цзю Ху может помочь? — спросила бабушка.

— Господин Чунмин, Вэнь Гошэн. Я родился болезненным ребенком, врачи не могли найти причину. Позже дедушка нашел этого почтенного старца, и семья узнала, что я родился с «недостающей душой». Из-за этого я чаще других детей пугался по ночам, плакал и постоянно болел.

— Теперь понятно, — кивнула Лян Мяомяо. — Судя по твоему лицу, ты должен был умереть еще в детстве. То, что ты дожил до сегодняшнего дня — результат того, что кто-то пошел против воли небес, меняя судьбу. Господин Чунмин — легенда в мире мистики. Видимо, он приложил немало усилий, решив использовать твои прошлые воплощения, чтобы восполнить пустую оболочку души.

— Да. Но господин Чунмин также сказал: чтобы решить проблему в корне, нужно найти господина Цзю Ху.

— А если его теперь не найти, что делать? — встревожился Луань Чэн. — Есть другие способы?

Гу Цинхуай покачал голов: — Пока что — нет.

Скоро душа Хань Чэндуна может окончательно исчезнуть. Тогда силы Мин Юэ и Бай Ю тоже начнут угасать, пока их призрачные тела не станут такими же прозрачными, как сейчас у Хань Чэндуна. Им останется максимум год в этом мире.

Луань Чэн почувствовал, как атмосфера в лавке стала гнетущей, и спросил: — Бай Ю и Мин Юэ — это твои прошлые жизни?

— Нет. — Как только Гу Цинхуай произнес это слово, из его тела выделился призрак, поразительно похожий на него самого. Кто это был, если не Хань Чэндун?

Хань Чэндун выглядел так, словно его отлили в той же форме, что и Гу Цинхуая, но он казался значительно старше. К тому же, облаченный в боевые доспехи, он выглядел куда более мужественно и героически. Вот только цвет его призрачного тела был пугающе блеклым — почти неразличимым. Если раньше Луань Чэн считал Бай Ю и Мин Юэ прозрачными, то на фоне Хань Чэндуна они казались вполне осязаемыми.

— Его зовут Хань Чэндун, — пояснил Гу Цинхуай. — Тот ответ по древнекитайскому на уроке подсказал тебе именно он.

— Я еще гадал, почему голос на твой не похож, — кивнул Луань Чэн. — Спасибо, брат Хань.

Гу Цинхуай окончательно распахнул перед ним двери в мир «прошлых жизней и нынешних воплощений».

— Мне уже девятьсот с лишним лет, — отозвался Хань Чэндун. — Обращение «брат», пожалуй, не совсем уместно.

— А как тогда? — задумался Луань Чэн. — Называть тебя «предок Гу Цинхуая»?

Хань Чэндун: — ...

«Этот ребенок ненароком не дурачок ли?» — пронеслось в голове призрачного воина.

В этот момент Гу Цинхуай поднялся: — Спасибо, бабушка, что прояснили ситуацию. Если больше ничего не нужно, я, пожалуй, откланяюсь.

Старушка подняла голову: — Ну уж нет! Раз пришел — помоги бабушке делом. А не то я обижусь. Будь хорошим мальчиком, сходи с Сяо Чэном, наберите мне питательной земли и отнесите домой. Мне нужно много овощей посадить.

Гу Цинхуай кивнул: — Хорошо.

— Сяо Чэн, иди наверх, там наберешь, на балконе полно стоит, — добавила Лян Мяомяо. — И не забудь подмести за собой, когда закончите.

— Понял, тетя Лян.

Луань Чэн повел Гу Цинхуая наверх. На балконе он велел другу стоять в сторонке под зонтом, а сам взялся за лопатку.

Внизу, в лавке, бабушка спросила Лян Мяомяо: — Ну, что скажешь?

Мяомяо с тревогой в голосе ответила: — Мальчик хороший, сердце чистое. Но если не найти Золотую цикаду в нефритовой чаше, чтобы подпитывать его душу, боюсь, он не переживет следующий год.

Бабушка нахмурилась: — Неужели моему Сяо Чэну суждено прожить всю жизнь в одиночестве?

Лян Мяомяо замаялась, не зная, стоит ли продолжать.

Бабушка с сухим стуком приложила ладонь к руке Мяомяо: — Да говори уже, чего ты со мной в загадки играешь!

Хозяйка лавки бросила взгляд на лестницу и понизила голос еще сильнее: — Судя по его лицу, шанс на спасение всё же есть. И ключ к этому шансу — Сяо Чэн. Я же говорила вам, что у Сяо Чэна активировалась Звезда Свахи, и ему предначертан ранний брак. Его судьба — этот Сяо Гу. Если они действительно будут вместе, возможно, появится надежда. Если нет — тут и боги не помогут.

Бабушка кивнула.

— Тетя Ци, есть еще кое-что, о чем я не решалась сказать, — добавила Мяомяо.

— Что?

Лян Мяомяо стиснула зубы: — Я не вижу срока жизни Сяо Чэна. Поэтому не уверена: если эти двое сойдутся, принесет ли это благо... или... Вы же понимаете, в этом мире почти ничего не дается даром.

Старушка продолжала нанизывать бусины: — Понимаю. Ты хочешь сказать, что спасение Сяо Гу — это ставка. Ставка на жизнь моего внука.

Лян Мяомяо не смела пикнуть.

— Сяо Лян, отдай мне эти четки, — внезапно сказала бабушка.

— Конечно, берите, — Лян Мяомяо была только рада.

Бабушка нанизала ровно 108 бусин из грушевого дерева, затянула узел и обернула их вокруг запястья.

— В ближайшее время не бери для меня заказов. Мне нужно уехать по делам, вернусь не скоро.

Мяомяо кивнула.

Старушка крикнула наверх: — Сяо Чэн, вы там скоро?

— Почти всё, бабуль! — отозвался Луань Чэн.

На самом деле земля была давно набрана, просто у него тоже накопились вопросы к Гу Цинхуаю.

— Слушай, сосед, — спросил Луань Чэн, подметая пол. — Если того господина Цзю Ху так и не найдут... что с тобой будет?

— Угадай, — Гу Цинхуай помогал завязывать первый мешок.

— Да как я угадаю?

— Это несложно, вариантов полно, — Гу Цинхуай горько усмехнулся. — Например, если Таз Суженых не врет, тебе, скорее всего, придется... овдоветь.

— О-овдо-что?! — Луань Чэн мгновенно выпрямился как струна. — Слышь, я же просто один раз в шутку назвал тебя «молодой невесткой», ты до сих пор дуешься?!

— Я не шучу. Я серьезно, — улыбка, даже горькая, исчезла с лица Гу Цинхуая.

Он посмотрел на Луань Чэна с небывалым холодом в глазах:

— Так что тебе лучше держаться от меня подальше. Близость со мной не принесет тебе ничего хорошего.

— Да пошел ты к черту! С чего это «ничего хорошего»? Ты помогаешь мне с уроками — это плохо? Рассказываешь о мистике, чтобы я не влип — это вред? Извини, но твое «ничего хорошего» явно не совпадает с моим словарем, — Луань Чэн чисто вымел рассыпанную землю.
— Гу Цинхуай, я знаю, о чем ты думаешь, но это лишнее. Часто мы сами не можем объяснить, почему поступаем так или иначе.

— Например?

— Например, мне не нравится то, что ты сейчас несешь. И то, как ты выглядишь, когда это говоришь, — Луань Чэн взвалил мешок с землей на плечо и зашагал вниз. — Бабуля! Давай больше не будем сажать овощи дома, эта земля тяжеленная!

— Тяжеленная она ему! А как есть эти овощи, так у тебя за ушами трещит! — Бабушка увидела спускающегося внука, а за ним «внучатую сноху».

Она подошла и собственноручно обмотала только что собранные четки вокруг запястья Гу Цинхуая.

— Носи, — сказала она. — А шаль и заколку иди сдай, пусть Сяо Чэн купит тебе чего-нибудь вкусного.

— ...Спасибо, бабушка.

— Да чего уж там, раз ты моя «невестка», — старушка бросила строгий взгляд на Бай Ю и пошла к выходу.

Гу Цинхуай: — ...

<http://bllate.org/book/16943/1574747>